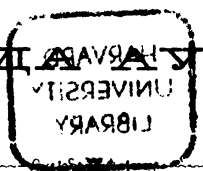

ІОСИФЪ ВЪ СНѢГУ

РОМАНЪ

БЕРТОЛЬДЪ АУЭРБАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ

М. Я. ДАНЦИГА.

ОДЕССА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. НИТЧЕ.

1872.

KE 20889

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

Дозволено цензурою. Одесса, 21 іюля 1872 г.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Развѣ еще не развѣдо?

«Маменька, развѣ еще не развѣдо?» спрашивало дитя, вставая съ постели.

— Нѣтъ еще. Да къ чему тебѣ и знать это! Успокойся и засни.

Дитя тикло на минуту, потомъ спросило опять въ полголоса «Маменька, развѣ еще не развѣдо?»

— Да что съ тобою, Юсень? Успокойся, не мѣшай мнѣ спать, да и самъ засни. Помиръ-ка еще, такъ и спать захочется.

Мать претворила дитятѣ еще разъ молитву предъ отхожденъ ко сну и тихо помолилась сама и потомъ спавала: «Спокойной ночи теперь». Дитя довольно долго молчало, но когда мать повернулась на своей постели, то оно тихо сказала: «Маменька!»

Мать его не отвѣчала.

«Маменька! Маменька! Маменька!»

— Да что съ тобою? Неподитъ хочешь?

«Маменька, развѣ еще не развѣдо?»

— Ты нехорошій мальчикъ, очень нехорошій. Развѣ ты не можешь не нарушать моего покоя ночью? Я очень утомлена, я была сегодня три раза въ лѣсу. Если ты еще разъ разбудишь меня, то завтра вечеромъ не будетъ тебѣ никакого подарка рождественскаго, кромѣ розни. Я охотно пойду еще разъ въ лѣсъ и

вырѣжу ее для тебя. Спокойной ночи! Спи хорошенько. Послушай вонъ ночные караульщики провозглашаютъ только 12 часовъ.

Мальчикъ еще разъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

«Спокойной ночи, до завтра!» и завернулся совершенно подушками.

Это происходило въ маленькой темной комнаткѣ, подъ одною лишь соломенною крышею. Стекла маленькаго окна такъ понамерзали, что лучи луны, довольно яркіе тогда, не могли проникнуть чрезъ нихъ. Мать встала и наклонилась надъ дитятею; оно спало спокойно и крѣпко. Но мать не могла болѣе заснуть; какъ только она опять улеглась на постель и закрыла глаза, то сказала почти громко. «И если онъ еще разъ возьметъ меня, а я думаю, что это будетъ не смотря на все, онъ не можетъ иначе, онъ долженъ.... И если онъ возьметъ меня, то отчего медлитъ онъ возвращеніемъ ко мнѣ и къ моему дитяти? Годы не возвращаются, они бываютъ только однажды въ жизни. О если бы еще разъ могъ бы онъ начать жить, если бы еще разъ очнулся, а неправда, что будто бы это такъ трудно.... Когда почувствуютъ любовь однажды, то приходится всю жизнь претерпѣвать за то.... Такъ и со всякимъ бываетъ. Развѣ это правда, однако, будто я была такъ весела, какъ говорятъ люди? Но что это значитъ, что дитя 3 раза восманимало: развѣло ли уже? Что же будетъ, когда настанетъ день? О Адамъ! Адамъ! Ты не знаешь, что я должна испытывать; если бы ты зналъ, то также не могъ бы теперь заснуть....

Ручей, протекавшій за домомъ, замерзъ; однако ночью слышалось журчанье воды, протекавшей подъ ледяною корою.

Мысли лишенной сна женщины слѣдовали за бѣгомъ ручья, противъ теченія его, далеко оттуда, и какъ ручей послѣ теченія его чрезъ непроходимыя долины и глубокія ущелья, задержанный мельницами, язычками льда и какъ бы сердце бросается на колеса и бурлитъ и кружится, такъ волнуется и жѣнятся мысли бодрствующей ночью.

Видѣ такъ въ мельницѣ жила та ужасная женщина, на которую родители Адама обратили свое вниманіе. Тони мельницы

язычниковъ считалась особенно бойкою и добродушною дѣвушкою, а теперь представляется намъ такой жалкою Что хочешь ты отъ Тони мельницы язычниковъ? Она ни въ чемъ не виновата предъ тобою. Но онъ? но Адамъ? Руки сжались, она почувствовала какъ будто ее ранили въ сердце, она закричала, аубаки и сказала: «О, если-бы онъ могъ стать невѣрнымъ мнѣ! Нѣтъ, онъ не можетъ этого, но если-бы онъ могъ, я не страдала бы, я пошла бы въ церковь съ моимъ Иосифомъ. Нѣтъ, но те; я его не возьму съ собою, я одна пойду, я закричу: «я не страдаю отъ этого!» и тогда посмотрѣла бы я, осудитъ ли ее пасторъ.

Ручей опять течетъ тихо по дугу: то тамъ, то тамъ, на берегу его растетъ лавровое дерево, но какъ съ одной, такъ и съ другой стороны его къ горамъ возвышаются пустыя скальные лѣса; со скалъ бросается ручей снова въ непроходимыя ущелья, теперь онъ течетъ быстро. Водъ жемчужный камень. «Теперь мы дома», сказалъ однажды Адамъ при видѣ его, и однажды она съ часъ ходьбы до постоялаго двора, а тамъ вѣдь близокъ ужъ и Оттерсвангерскій лѣсъ, который принадлежитъ ему и это самое тихое мѣстечко въ ручьѣ. — Бѣднѣйка провела холодною рукою по горячимъ щекамъ: тамъ у развѣскаго бука Адамъ въ первый разъ поцѣловалъ ее. Ни одинъ человекъ въ мірѣ не поцѣрилъ бы и она сама также не вѣрила бы тому, чтобы онъ былъ столь нѣженъ и добръ, столь разговорчивъ, милъ и веселъ. Это было въ прекрасный лѣтній день; предъ тѣмъ за день была сильная гроза; буря, молнія и громъ были такъ сильны, что едва можно повѣрить: ни одного дерева прямо стоящаго, не оставалось болѣе въ лѣсу. Да, то здѣсь наверху, то тамъ въ лѣсу, то въ томъ домѣ . . . тамъ теперь часто бываютъ шумъ, брань и возня такіе, что предполагаютъ, что тамъ убиваютъ одного и на другой день никуда не пойдетъ. Но тогда былъ прекрасный лѣтній день, во всѣхъ канаряхъ тогда ручьи и громко журчали и спѣли, какъ будто бы они знали, что имъ предстоитъ только одинъ день жизни и завтра они уже не будутъ

твоей. Птицы твои и прачка близъ ручья также не могла ничего другого дѣлать, она также пѣла и почему бы ей не пѣть? Вѣдь она еще молода и не стѣснена заботами. Она знаетъ много песенъ; она научилась имъ отъ своего отца, который былъ некогда самымъ веселымъ человекомъ и лучшимъ пѣвцомъ. Люди спускаются по ручью, воды теперь довольно для сплава и посмотри-ка, какъ сплавлясь! Спускается по теченію и Адамъ также на одномъ стволѣ; стволъ постоянно обращивается, но Адамъ ловокъ; онъ держится твердо и прямо и когда онъ подплыветъ къ прачкѣ, сброситъ онъ стволъ въ ручье, предоставляя ему плыть въ одиночку, уперся весломъ въ ручей, приподнялся на воздухѣ и смело прыгнулъ на берегъ. Прачка засмѣялась; увидя какъ плотный и высокий молодой человекъ болтаетъ въ воздухѣ высокими охотничьими сапогами; а въ душѣ она почувствовала однако кснугъ, когда онъ внезапно сталъ передъ ней.

— Я давно уже желала поговорить съ тобою; благодарю тебя, сказалъ Адамъ.

— Для чего? за что?

— За то, что ты помогаешь моей матери.

— Я служу, потому что жалованье и должна что либо дѣлать за нее, а твоя мать принадлежитъ это довольно сурово; она сердита на самого Господа Бога, потому что твой братъ погибъ при рубкѣ тѣса, она негодуетъ теперь на Бога и на весь свѣтъ, а всего больше на самую себя.

Адамъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Ты ося, ... ты была она, бермотала она, да ты! Лидо еѣ подарилось, она вѣсно подила багоръ и вдругъ вѣричала: Разъ вы хотѣе тамъ заболѣть? Прѣчь оттуда!

Онъ прыгнулъ въ ручей, такъ что вода высоко брызнула и оттолкнула стволъ, который вѣдѣтвѣно ксривленія берега пристае въ немъ, оттолкнулъ съ удивительной силой въ теченіе.

Мартина съ удивленіемъ смотрѣла на него. Что случилось Адамомъ? Онъ удивился; вотъ это слышно уже далеко внизу, припадить съ другими сплавщиками и потому все тихо.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Адамъ не говорилъ съ Мартиной ни слова и едва даже кланялся ей.

Но осенью — коровы и бугай паслись на лугу; Мартина пошла на лугъ съ горы — тамъ при домѣ на возвышенности не было колодца и надо было носить на гору — вдругъ она видитъ что бугай высоко поднималъ голову и начинаетъ бѣгать. Это прекрасно, что такое неуязвимое животное такъ легко танцуетъ, но мальчикъ пастухъ кричитъ «спасайся Мартина! Бугай нападаетъ на тебя!» Мартина испускаетъ пронзительный крикъ, съ искривившимся отъ испуга лицомъ бѣжитъ и падаетъ. Она слышитъ уже близко сопѣніе бугая, но теперь онъ реветъ неистово на землѣ, Адамъ прибѣгаетъ, схватилъ его за рога и нагнувъ его внизъ, пока прибѣжали люди и помогли связать его.

Мартина спасена, и Адамъ сказалъ только: «Въ другой разъ, когда будешь сходить за водой, не надѣвай своего красного головного платка».

Адамъ былъ оравлавленъ и Мартина спросила:

— Бога ради! развѣ тебѣ бугай сдѣлалъ что-либо?

«Не беспокойся, это ничего не значить, у бугая шла кровь изъ морды, а потому онъ обрызгалъ ею и меня: Иди теперь и принеси воды.» Онъ повернулся и пошелъ къ пруду, чтобы вымыться.

Сначала и придя къ колодезю Мартина была внѣ себя отъ испуга; она узнала въ какой опасности она была и какъ Адамъ спасъ ее. Она плакала и чувствовала удивленіе и сердечную благодарность къ сильному, доброму человѣку. За обѣдомъ она слышала какъ мать сказала: «Ты глупѣйшій и бесполезнѣйшій товарищъ въ цѣломъ мірѣ; ты идешь на смертельную опасность, чтобы спасти глупую служанку».

— Я не хочу болѣе этого дѣлать, отвѣчалъ Адамъ.

«Я повѣрю этому, сказалъ отецъ улыбаясь, этого ты не сдѣлаешь въ другой разъ, чтобы удерживать крѣпко за рога бугая и остаться живымъ. Жаль только, что никто не видѣлъ этого. Это такая штука, о которой заговорила бы вся страна».

Адамъ съ этого времени дружелюбно кланялся Мартинѣ, но не говорилъ съ нею ни одного слова. Онъ казался доволенъ быть тѣмъ, что она помогла ему совершить именно рыцарскій подвигъ.

Опять стирала бѣлье Мартина у ручья и Адамъ предсталъ предъ нею.

«Здорова ли ты?» спросилъ онъ.

— Нѣтъ, испугъ мой не прошелъ еще, но я буду благодарить тебя за спасенія моей жизни, пока....

«Объ этомъ я и слушать не хочу. Бугай собственно говоря не злой. Онъ вовсе не злое животное; ни жеребецъ, ни бугай не бываютъ злы, если ихъ не злить травлею, не дразнить и не пугать съ молодости. Тогда они дружелюбны. Но теперь, да да хорошо.... Не правда ли ты знаешь все? и ты.... ты также расположена ко мнѣ, какъ я къ тебѣ?»

Онъ не могъ дальше говорить, но во взглядѣ его заключалась симпатичная, глубокая, могучая нѣжность, когда онъ посмотрѣлъ на Мартину и положилъ руку на плечо ея. И тогда онъ впервые поцѣловалъ ее и никто не повѣрилъ бы, что Адамъ могъ быть столь нѣжнымъ и столь добрымъ, но ей однако больно стало, когда онъ обнялъ ее за шею, онъ не сознавалъ, что сильно сжалъ ее и засмѣялся, когда Мартина сказала ему объ этомъ; онъ просилъ ее: «Научи меня, какъ нѣжнѣе обнять за шею, стань вонъ тамъ на пень. Такъ!»

И тамъ она обняла его, онъ носилъ ее кругомъ, какъ маленькое дитя, а она однако также сильна и велика. Они стали потомъ другъ возле друга подлѣ ручья и Мартина посмотрѣла на листья, на которые падали косвенные лучи солнца.

«Посмотри какъ прекрасно дерево!» сказала она.

● — Это не красиво, отвѣчалъ Адамъ, оно имѣетъ много вѣтвей, а ствола почти нѣтъ.

«Я не такъ думаю. Посмотри, только какъ зелено золотисто оно сверкаетъ и блеститъ теперь».

— Ты права, это прекрасно, сказалъ Адамъ и его взглядъ

былъ такъ кротокъ, а на грубомъ красномъ лицѣ его играли дрожащія солнечныя лучи. Ему казалось, что онъ впервые разъ смотритъ на дерево такъ, какъ онъ не осматривалъ еще его иначе, какъ затѣмъ чтобы оцѣнить годность дерева.

И такъ какъ Мартина часто взглядывала на него чрезъ букъ, то ему казалось будто это солнечный лучъ вѣчно свѣтилъ и никогда не могъ потухнуть.

И какъ будто кланяясь, Адамъ, схвативъ Мартину за руку, сказалъ: «Пусть стоитъ дерево; никто не посмѣетъ срубить его, Дерево, приди на свадьбу! Иди нѣтъ! Оставайся и стой, ты должно слушать веселую музыку, когда она пойдетъ на свадебный пиръ. Мартина, подари мнѣ что-то, имѣешь ли что либо, что ты могла-бы подарить мнѣ?»

— Я бѣдна и не имѣю ничего.

«Я вижу нѣчто, что я могъ бы имѣть. Подаришь ли ты мнѣ его?»

— Да, что-бы это ни было, что хочешь.

«Смотри, на твоей груди утверждено твое имя, сорви его и дай мнѣ.

— Сердце изъ тѣла вырву я и дамъ тебѣ.

Она отвернулася, сорвала съ рубашки кусокъ на которомъ было ее имя и подала ему.

«Я тебѣ ничего не дамъ, сказалъ онъ, осмотрись кругомъ, все что увидишь — твое.»

При этомъ указаніи того, какъ богатъ Адамъ и какъ она бѣдна, она вагрустнула, но Адамъ держалъ ее руку и потому грусть ее не могла имѣть такого могущества, какое имѣла безъ него.

Это была всемогущая, кроткая, всезабывающая любовь, которая овладѣла обоими, но скоро настала печаль и несчастье.

Адамъ въ первый разъ въ жизни посланъ былъ со сплавомъ по ту сторону Рейна, въ Голландію и во его время отсутствія, Мартина была выгнана съ брадью и позоромъ.

Это были картины прошедшаго, счастливаго и очень грустнаго; онѣ тянутся теперь снова передъ Мартиной на чердакѣ ея.

Она закрыла себѣ глаза подушкой. Пастухи поютъ теперь въ деревнѣ, тамъ провозгласили теперь полночь.

«Это пастухъ такъ поетъ; на шипляхъ дѣлаютъ теперь невозможныхъ пѣтуховъ. Какъ грубо и сильно поетъ высоконогий пѣтухъ; вотъ у туземныхъ звучитъ гораздо веселѣе. Шиплевымъ однако добрый человекъ и относительно дѣтей такъ добродушенъ; я это хорошенько обдумываю, какъ онъ однажды сказалъ: Мартина, ты въ моихъ глазахъ вдова и славная вдова. — Да, но Боже мой! Мой мужъ еще живъ. — Ты печалишь меня, но я не могу, нѣтъ, нѣтъ, ни одна мысль....

Не успокоиваясь, ожидала Мартина дня. Часто казалось ей, что она слышитъ голосъ свирѣлой Ретманши, видитъ ея рѣзкое, насмѣшливое лицо и Мартина тихо говорила про себя: «Развѣ еще не разсвѣло?»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дуэль прерванъ и возобновленъ.

Въ тотъ же часъ, когда дятъ на чердакѣ пробуждалось и беспокоилось, возлѣ лампы въ небольшой гостинной пасторского дома горѣли еще двѣ свѣчи и три человека сидѣли въ веселомъ расположеніи духа вокругъ круглаго стола: это были: пасторъ, жена его, и молодой землевладелецъ, ея братъ. Въ комнатѣ было пріятно, тепло и уютно; во время молчанія слышно было то шипѣніе пекшихся въ печкѣ яблокъ, то чайникъ кипѣніемъ своимъ какъ будто говорилъ, что есть еще достаточно принадлежностей для изготовленія хорошаго грога. Священникъ, не курившій наединѣ, былъ такъ въжливъ, что, когда приходилъ курящій

гость, также курить съ нимъ; онъ однако не забывалъ своей табакерки и какъ только бралъ щепотку табаку, то просилъ также и зятя понюхать его, но тотъ постоянно благодарилъ и отказывался. Священникъ съ замѣтной благосклонностью разсматривалъ своего зятя и жена его также изъ-за своего вязанія — это подарокъ на завтрашній Рождественскій вечеръ — посматривала на своего брата сверкавшими отъ удовольствія глазами.

«Это ты прекрасно сдѣлалъ, что ты взялъ отпускъ, чтобы провести у насъ праздники; но, прибавилъ онъ улыбаясь и смотря на ружье, которое было поставлено въ углу, твой охотничій снарядъ не много пользы принесетъ тебѣ здѣсь, если ты не будешь такъ счастливъ, что попадешь на волка, который долженъ находиться въ окрестностяхъ».

— Я пріѣхалъ не только для того, чтобы навѣстить и не для одной лишь охоты равномерно, возразилъ молодой землевладелецъ пріятнымъ и умоляющимъ голосомъ, я долженъ васъ просить, любезный шуринъ, чтобы вы оставили свое домогательство мѣста въ Оденвальдѣ и ожидали бы, пока откроется вакансія вблизи города или же въ самомъ городѣ. Дядя Цетлеръ сталъ теперь президентомъ консисторіи; онъ обѣщалъ вамъ дать первое мѣсто какое откроется тамъ. «Это невозможно. Мнѣ очень хотѣлось бы для Лины и для себя жить вблизи родныхъ и я притомъ же очень люблю музыку, но я не годенъ для новаго православія и для приравливанія своихъ проповѣдей ко вкусу публики, я проповѣдую строго религіозно. — А тамъ въ числѣ моихъ собратій по званію, вѣчно заботящихся о спасеніи душъ думовыхъ дѣтей, нѣтъ взаимныя предисамія... во всемъ этомъ много самонадеянности. Относительно этого можно сказать то же, что о воспитаніи: чѣмъ мѣнѣе заботятся родители о воспитаніи, тѣмъ болѣе искусно не рѣдко говорятъ о немъ. Будете честны и вы воспитаете, какъ слѣдуетъ своихъ собственныхъ и духовныхъ дѣтей безъ особеннаго искусства, безъ постоянного опасенія и заботъ. Я знаю, что я стою на почвѣ чистаго ученія, на сколько позволяютъ мои силы и вообще, соб-

ственно говоря, я противникъ всякаго рода пережѣщеній. Должно состарѣться съ тѣми людьми, на которыхъ приходится дѣйствовать. Въ хорошо устроенномъ государствѣ должно, чтобы всякій оставался на одномъ и томъ же мѣстѣ, получая лишь большее содержаніе. Я хлопоталъ о мѣстѣ въ Оденвальдѣ, потому что чувствую, что для тяжелыхъ трудовъ здѣсь я начинаю старѣться и также потому, что я не могу дорожить невѣжествомъ, возмущающимъ мою душу. Однако позвольте намъ теперь спѣть».

Онъ всталъ, сѣлъ къ клавикордамъ и началъ играть предлюдію своей любимой мелодіи, а пасторша и молодой землевладелецъ начали пѣть хорошо обработаннымъ голосомъ дуэтъ изъ Тита:

Пусть раздѣлять съ нами счастье и горе.

Когда эти два голоса слились въ задушевную мелодію, казалось будто чувствуешь объятія вѣрныхъ любящихъ рукъ, блаженное объятіе.....

Уже во время пѣнія нѣ разъ слышались близъ дома удары кнута, но не обращали вниманія на это и продолжали снова разговаривать о долженствовавшей произойти пережѣтѣ мѣста. Когда же пѣніе совершенно окончилось, послышался быстрый и громкій ударъ кнута. Пасторша отворила окно и, не видя ни кого, спросила: «Кто тамъ?»

— Я, конечно, отвѣчалъ грубый голосъ.

Пасторша быстро закрыла окно, потому что очень холодная струя воздуха ворвалась и щеки пѣвицы пылали. Молодой землевладелецъ хотѣлъ посмотреть кто тамъ, но заботливая пасторша увлекла его назадъ, потому что онъ также могъ-бы простудиться. Она послала служанку внизъ и пожурила ее между прочимъ за то, что, быть можетъ, ей мужъ еще сегодня въ такую ночь долженъ былъ быть на дорогѣ. Служанка успѣшила сойти въ низъ и узнала, что это былъ экипажъ отъ дивой Рэтманни, которая прислала, чтобъ господинъ пасторъ тотчасъ же пріѣхалъ къ ней.

«Адамъ пріѣхалъ или слуга?» спросилъ пасторъ.

— Слуга.

«Онъ долженъ войти и съѣсть или выпить чего-либо теплаго, пока я соберусь.»

Пасторша просила и заклинала своего мужа, чтобы онъ не рисковалъ бы жизнью сегодня изъ за особы дорогой развѣ злому дракону, а тѣмъ болѣе въ такое опасное время года, когда днемъ опасно тамъ ѣздить и въ такую дальнюю дорогу какъ къ Рэтману, а особенно ночью.

«Врачъ долженъ отправляться къ больному и не смѣетъ спрашивать о вѣтрѣ и погодѣ, а тѣмъ болѣе я, отвѣчалъ пасторъ.

Слуга пришелъ въ комнату, пасторъ далъ ему стаканъ грогу и спросилъ: «Развѣ ужъ очень больна Рэтманша?»

— О! по правдѣ сказать не очень то: она можетъ еще ужасно браниться и проклинать.

Тогда пасторша снова заклинала своего мужа подождать наступленіе дня. Она соглашалась отвѣчать передъ Богомъ, если дикая Рэтманша умретъ безъ духовнаго напутствія. Однако казалось пасторша уже очень хорошо знала, что ея увѣщанія не помогутъ, потому что пока она такъ усердно убѣждала, она налила вишневою настойки въ бутылку съ соломеннымъ чехломъ, вынула большую овечью шубу и спрятала бутылку въ карманъ.

Молодой землевладѣлецъ хотѣлъ сопровождать шурина, но тотъ отказался: «Оставайся дома и иди скорѣй спать» сказалъ онъ изъ-за двери; не ходи со мной; вы не должны беспокоиться и вы должны мнѣ во время праздниковъ еще много разучить пѣть вмѣстѣ. Прекрасныя мелодіи Моцарта будутъ сопровождать меня».

Братъ и сестра однако пошли съ нимъ проводить къ мѣсту, гдѣ пасторъ сѣлъ въ экипажъ, пасторша закутала ему ноги въ большое шерстяное покрывало и сказала въ это время слугѣ: «почему вы взяли сани, а не телѣгу?»

— У насъ наверху много снѣгу.

«Да такъ у васъ наверху; вы не думаете никогда о томъ какъ въ другихъ мѣстахъ и не разобьются ли на голой замерз-

шей почвѣ. Побѣжай же хотя медленно до Гурценека. Будь осторожнѣй Оттонъ, встань лучше на вершинѣ Оттерсвангера. Нѣтъ, сидя лучше: вѣдь ты смерзнуть бы тогда. Храни васъ Богъ!»

— Спокойной ночи, вскричалъ еще разъ пасторъ, нѣсколько глухо, до того онъ закутался; сани двинулись и издалека слышно было, какъ они стучали и катались. Братъ и сестра возвратились домой.

— «Я не могу тебѣ выразить, какъ пріятно мнѣ снова видѣть и слышать твоего мужа, сказалъ молодой человѣкъ пасторшѣ, я думаю, что чѣмъ старше становится онъ, тѣмъ яснѣе становится его прекрасная натура, или же я только вижу яснѣе?»

Пасторша кивнула головой и сказала: да ты конечно любишь моего мужа, отъ всей души, но ты не можешь представить себѣ, что за чистая душа, что за святое сердце у него. Могли ли бы люди сказать, что онъ не довольно религіозецъ: онъ самъ олицетворенная религіозность. Онъ дѣлаетъ благочестивыми и другихъ.

Не нужно даже чтобы онъ дѣлалъ что-либо для этого, достаточно одною его присутствіемъ, его добрый нравъ восторгаетъ; его кротость, его искренняя любовь и справедливость производятъ то, что всѣ люди, когда они только видятъ его дѣлаются добрыми и благочестивыми; въ его проповѣдяхъ каждое слово проникнуто душевнымъ чувствомъ, составляетъ драгоценный камень. Ему такъ свойственно только хорошее, что низость и невѣжество избѣгаютъ его. Живонисецъ здѣшній Шварцманъ, который однажды пробылъ у насъ цѣлую недѣлю и видѣлъ какъ относятся къ нему наши дѣшевые поселяне, сказалъ о немъ доброе слово: нашъ пасторъ умѣетъ каждого принудить чтобы тотъ думалъ благодарно въ его присутствіи. «Сначала меня очень огорчило, что такой человѣкъ, столь развитый, долженъ проводить всю свою жизнь съ поселянами, но я научилась сознавать, что высочайшее образованіе, которое, также просто какъ библія, можетъ нами вполнѣ на своемъ мѣстѣ».

Трудно сказать, чье увлеченіе было большее: то ли, съ ко-

торымъ говорила сестра, или съ которымъ слушалъ ее братъ ея, также какъ не легко опредѣлить, что производить сильнѣйшее впечатлѣніе на доброе сердце: видѣть ли полное счастье другихъ или самому обладать имъ.

Нерѣдко и то доставляетъ счастье, что оно никому собственно не принадлежитъ, но всѣмъ, которые способны его испытывать и происходить отъ познанія чистой души и любви къ ней.

«Я знаю теперь, гдѣ онъ, продолжала пасторша и пристально глядѣла впередъ, какъ будто видѣла его передъ собою, теперь онъ близъ большой грабины, а теперь проѣзжаетъ мимо мѣста, гдѣ добывается смола, тамъ дуетъ постоянно злой вѣтеръ. Закутайся только хорошенько. Я думаю, что ты исправишь дикую Рэтманшу, я увѣрена въ этомъ; ты все можешь сдѣлать и я увѣрена, что ты повѣнчаешь еще Адама съ Мартиной и тогда мы останемся здѣсь еще нѣкоторое время».

Братъ едва осмѣлился перебить восторженно говорившую сестру. Наконецъ онъ спросилъ: Кто такіе дикая Рэтманша, Адамъ и Мартина?

— Хорошо, садись здѣсь, я тебѣ расскажу. Я не могу успокоиться, пока я не узнаю, что Оттонъ пріѣхалъ туда.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

О дикой Рэтманшѣ.

«Здѣсь на верху существуютъ еще дикіе люди, истинные чудовища. Объ этой дикой Рэтманшѣ я много сообщу тебѣ, если хочешь.

— Рассказывай.

Отецъ теперешняго Рэтмана, того, къ женѣ котораго Оттонъ